

УДК 902/904

Григорьев А.М., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСА БАШЕН ХОРЫ ХЕРСОНЕСА: ФОРТИФИКАЦИЯ ИЛИ АНТИСЕЙСМИКА?

В статье рассматривается вопрос о назначении дополнительных поясов башен, которые возводились на памятниках ближней и дальней хоры Херсонеса Таврического в III – II вв. до н.э. В обыденном понимании данные архитектурные элементы служили для усиления конструкций стен и башен, однако о причинах и назначении такого усиления в отечественной историографии на сегодняшний день отсутствует единое мнение. Практически все исследователи, в той или иной мере обращавшиеся к данному вопросу, сходятся на их «противотаранном» (т.е. фортификационном) или антисейсмическом назначении. В связи со значительным накоплением археологических данных как в России, так и за рубежом, представляется возможным рассмотреть это архитектурное явление в более широких временных и географических рамках, а также приобщить к решению данной проблемы факты, которые прямо или косвенно могут свидетельствовать и о других причинах возникновения этих архитектурных элементов. Данное исследование базируется на рассмотрении аналогий к исследуемым архитектурным объектам – близких по своей конструкции строительных остатков, зафиксированных на территории Восточного Крыма. Таким образом, расширенная география и хронология исследуемого архитектурного явления позволяют получить новые теоретические обобщения.

Ключевые слова: Херсонес, античная фортификация, городище, Северное Причерноморье, хора, противотаранные пояса, башни.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-29-46

На протяжении всей истории изучения поселенческих памятников хоры Херсонесского государства исследователями уделялось внимание так называемым «противотаранным поясам» или «панцирям», которые пристраивались к внешним периметрам башен или же к отдельным участкам внешних стен поселений. По своему виду эти сооружения представляли собой дополнительные ряды каменной кладки, как правило, пирамидальной в разрезе формы. В частности, такие сооружения отмечены в строительных остатках усадеб ближней хоры Херсонеса на Гераклеюском полуострове и на поселениях дальней хоры в Северо-Западном Крыму – на городищах Калос Лимен, Беляус, Кульчук. Время их возникновения в архитектуре херсонесской хоры относится исследователями к широкому интервалу - с конца первой трети III в. до н.э. до второй половины – конца II в. до н.э., что с наибольшей вероятностью может соотноситься с кризисными явлениями на территории древней Таврики,

вызванными активизацией скифских племен, оттесненных сарматами из степей Северного Причерноморья, и вынужденных отвоевывать себе жизненное пространство на полуострове [1, с. 100]. Переломный момент в истории Херсонесских укреплений и сельскохозяйственных поселений относится исследователями к 270-260-м гг. до н.э. В ближайших окрестностях Херсонеса отмечается гибель сельскохозяйственных усадеб [13, с. 84] [22, с. 292-293], на территории его дальней хоры также отмечались разрушения усадеб и укреплений [25, с. 75-79].

Данный коллапс, явившийся началом затяжного военно-политического кризиса, сопровождался весьма своеобразной строительной деятельностью на большинстве херсонесских поселений, причем в несколько последовательных периодов. Одним из явлений в архитектуре Херсонесского государства времени скифо-херсонесских войн стало возведение обозначенных выше дополнительных поясов башен и стен.

На Гераклейском полуострове интересующие нас сооружения наиболее полно исследованы на усадьбах наделов 9, 10 и 86. Усадьба на наделе 86 (Рис. 1) существовала с III в. до н.э. по III в. н.э. и неоднократно перестраивалась. Самая крупная ее перестройка связана с возведением башни в ее западном углу. Первоначальные размеры башни составляли 6,60 x 9 м, а толщина стен – 0,85 – 0,95 м. Во второй половине II в. до н.э. башня была обнесена мощным поясом из крупных блоков, имевшим расширение к подошве. Таким образом, толщина стен башни в ее нижней части стала достигать 2,75 м, и в таком виде башня сохранилась до момента ее гибели в III в. н.э. [16, с.170].

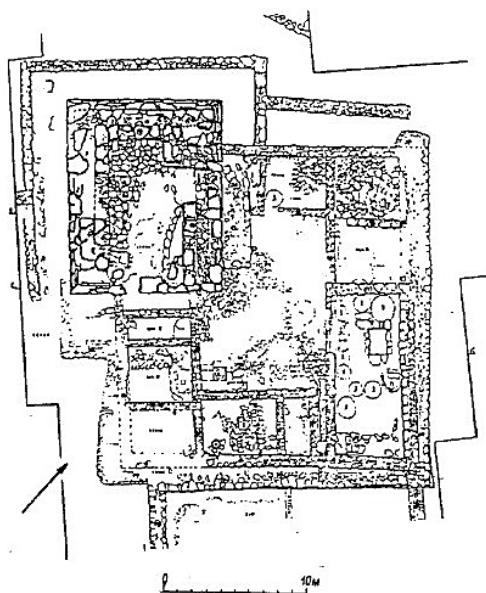

Рис. 1. План усадьбы на наделе 86 (по И.Т. Кругликовой, 1983).

Усадьбы наделов 9 и 10 (Рис. 2) на Гераклейском полуострове возникли одновременно в конце IV или в начале III в. до н.э. Время пристройки к ним дополнительных поясов по И.Т. Кругликовой – II в. до н.э. В результате этого толщина их стен увеличилась с 0,7-0,8 м до 2,5 м на наделе 9 и до 2,00 м на наделе 10. При этом стены башен, которые выходили во внутренний двор усадьбы, также укрепились [16, с. 173]. Кроме того, отмечено, что такими поясами усиливались не

только башни, но иногда и стены усадеб.

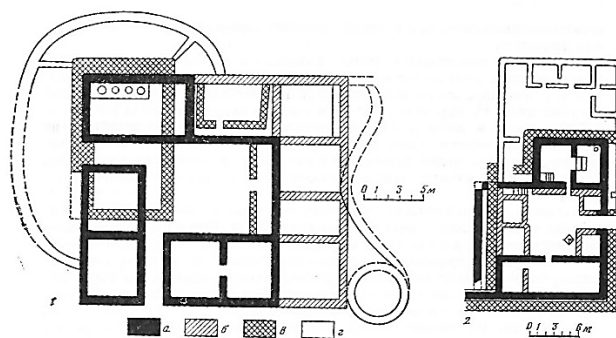

Рис. 2. Планы усадеб наделов 9 и 10 (по И.Т. Кругликовой, 1986).

На городище Беляус в Северо-Западном Крыму дополнительные пояса имеют две башни - Башня 1 и Башня 2 (Рис. 3, 4). Комплекс укрепленных усадеб Беляуса датируется исследователями концом IV – началом II в. до н.э. [25, с. 60-64] [10, с. 255-256]. Возникновение дополнительного пояса Башни 1 О.Д. Дашевская датировала временем не позднее II в. до н.э. [7, с. 89]. Пояс Северо-Западной (башни 1) состоит из забутовки, прилегающей непосредственно к первоначальным стенам башни и огромных панцирных блоков, грубо обработанных и достигающих в длину по горизонтали 1,5 м. Характерной особенностью панциря является его пирамидальность, которая достигается сужением рядов кладки кверху и скошенностью наружной боковой грани камня. Толщина указанного панциря вместе с забутовкой достигает в основании 1,70 м, в верхнем ряду – 1,40 м. Наибольшая высота сохранившейся части пояса достигает 1,30 м. Примечательно, что с южной стороны башни никаких следов дополнительного пояса выявлено не было [7, с. 90]. Также О.Д. Дашевская отмечает, что в строительстве дополнительного пояса башни были вторично использованы рустованные квадраты первого строительного периода, которые, вероятнее всего происходили из верхних ярусов кладки, после чего дополнительно укрепленная башня уже не достигала прежней высоты [7, с. 89-90].

Северная усадьба городища Беляус

имела башню (Башня 2), первоначально возведенную в III в. до н.э. [8, с. 287]. Появление второго пирамидального пояса башни О.Д. Дашевская относит к концу II в. до н.э. При этом, автор раскопок отмечает, что после его возведения вся усадьба была расширена к северу и к востоку, и, таким образом ее площадь увеличилась втрое, а башня оказалась в её центре [9, с. 267-268]. Стоит учесть, что в первом строительном периоде башня выступала за линию северной внешней стены городища на половину своей длины, и, таким образом, могла иметь оборонительное значение, обеспечивая фланкирующий обстрел пространства перед северным въездом. Из этого следует, что строительные мероприятия конца III – начала II в. до н.э. вряд ли были связаны с усилением оборонительного потенциала башни, в частности ее противотаранной защиты. То же самое можно сказать и о первой башне (юго-западной). Нельзя не отметить ее близкое расположение к морю и наличие с южной стороны башни комплекса подпорных сооружений, выявленного под песком пляжа. Данное сооружение подпирало фундамент Башни 1. Образованная эти архитектурным приемом площадка, подстилающая башню, выступала на 3 м к югу от ее фундамента. По

данным О.Д. Дашевской высота этой конструкции в древности составляла 3,30 м. [10, с. 88]. С учетом этих обстоятельств, говорить о необходимости усиления здесь защитных против стенбитных орудий не представляется возможным, так как подход к этой башне с юга или с запада и без того был затруднительным.

Башня укрепленной усадьбы на городище Кульчук (*Рис. 5*) была построена во второй половине III в. до н.э. Первоначальная толщина ее стен равнялась 1,0 м. Позже к ним со всех сторон был пристроен усеченно-пирамидальный пояс из громадных блоков, шириной в основании около 2,5 м. В некоторых местах он сохранился почти на первоначальную высоту – около 3 м. По стратиграфическим наблюдениям С.Б. Ланцова, произведенным снаружи башни, складывается впечатление, что этот пояс был сооружен в конце II в. до н.э. До этого в историографии изучения всех аналогичных башен херсонесского государства считалось, что они возникли в конце III – начале II в. до н.э. в начальный период одного из этапов скифо-херсонесских войн [18, с.75-77]. Ранее дата сооружения пояса Кульчукской башни определялась А.С. Голенцовым серединой III в. до н.э. [5, с. 50-52].

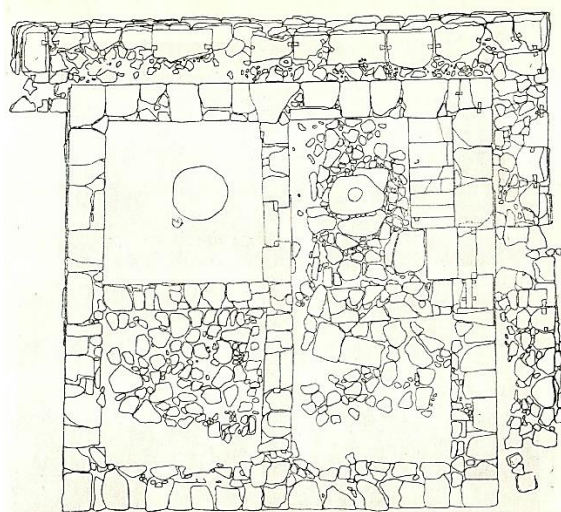

Рис. 3. План Башни 1 на городище Беляус (по: Дашевская О.Д., Голенцов А.С., 2004).

Рис. 4. Башня 2 городища Беляус (по Смекаловой Т.Н., 2017).

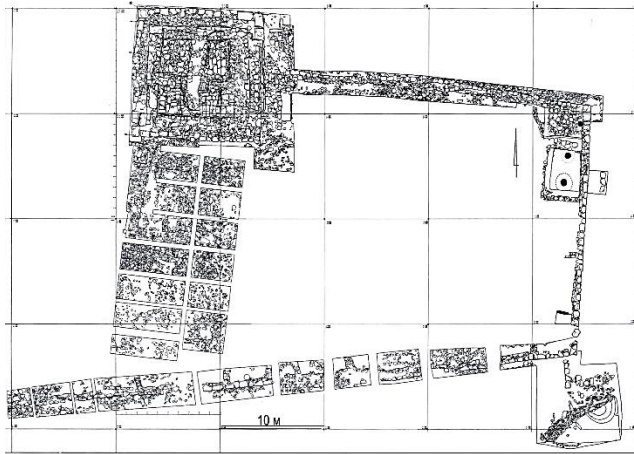

Рис. 5. Башня укрепленной усадьбы на городище Кульчук (по С.Б. Ланцову, 2010).

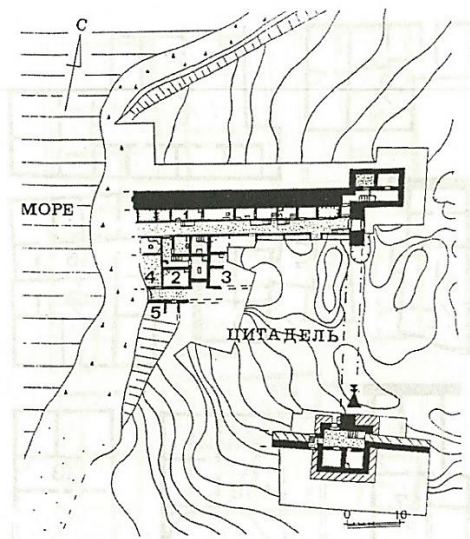

Рис. 6. План цитадели Калос Лимена (по Уженцеву В.Б., 2006).

В Калос Лимене возведение дополнительных поясов башен связано со вторым строительным периодом укреплений – второй третью III – первой половиной II в. до н.э., что связано с повышением обороноспособности города [23, с. 42] Более ранние башни крепостного обвода продолжали функционировать вплоть до II в.

до н.э., и лишь одна, в западной части южной оборонительной стены подверглась перестройке – к ней был пристроен дополнительный пирамидальный пояс (Рис. 6, 7.), который по строительной технике идентичен сооружениям на городище Беляус. В.Б. Уженцев датировал его первой половиной II в. до н.э.

Рис.7. Калос Лимен. Дополнительный пояс башни (фото автора, 2016).

Помимо башни в обновленном крепостном обводе Калос Лимена дополнительным внешним панцирем обносятся куртины, отходящие от восточных ворот. Ширина этого панциря составляла 0,75 – 0,84 м. Однако, наибольшая сохранившаяся его высота представлена всего одним рядом каменных блоков [17, с. 49], что не позволяет в полной мере оценить замысел древних строителей.

До начала масштабных исследований поселений отдаленной хоры в Северо-Западном Крыму данные сооружения рассматривались В.Д. Блаватским и С.Ф. Стржлецким как таврский компонент в местной строительной традиции [20, с. 113, 162]. Основанием для такой атрибуции поясов послужило использование в кладке крупных (до 1,50 м длиной) блоков и низкое качество их обработки и пригонки по месту.

Новая интерпретация дополнительных поясов возникла с открытием аналогичного панциря на юго-западной башне городища Беляус [6, с. 246-255]. А.Н. Щеглов, обратившись к вопросу о назначении пирамидального пояса, установил факт более поздней его пристройки к уже существующей башне, и пришел к выводу о его противотаранном назначении. Также А.Н. Щеглов дополнительно обследовал сохранившиеся остатки усадеб Гераклеяского полуострова и установил, что «те башни, стены которых пирамидальны, имеют два строительных периода» [25, с. 74] и «пирамидальность – результат дополнительного укрепления нижней части», что и привело его к выводу о том, что это «дополнительные противотаранные пояса» [24, с. 61].

В то же время А.Н. Щеглов допускает, что «скифы достаточно хорошо знали принцип действия стенобитных орудий, и что в их войске оно были применялись при осаде крепостей [25, с. 74.]. Так, гипотеза А.Н. Щеглова была принята в отечественной науке и получила полное признание. С осторожностью к атрибуции дополнительных поясов относилась И.Т.

Кругликова, отмечая в то же время, что подобные конструкции могли использоваться для усиления стен башен в связи с их достройкой на наибольшую высоту [16, с. 173-174].

Новые теоретические обобщения к вопросу о назначении дополнительных поясов башен и стен в связи со значительным накоплением археологических данных были представлены В.М. Ивановым в специальной работе [15, с. 100-122]. В статье приводится ряд весомых доводов в пользу антисейсмической функции рассматриваемых сооружений, при этом подчеркивается, что они не только не были противотаранными, но и фортификационными вообще [15, с. 111]. К этой позиции были приведены следующие аргументы:

1) Угловые блоки прямоугольных конструкций могли быть легко выбиты тараном, что повлекло бы дальнейшее разрушение кладки, следовательно, такое их применение было бы нецелесообразным. При этом угловые блоки херсонесскими строителями не скруглялись [15, с. 102].

2) Высота некоторых сохранившихся поясов достигает почти двух метров и тем самым перекрывает «рабочую высоту» тарана, что также, по мнению автора, приводит к выводу о нецелесообразности возведения такой конструкции в качестве противотаранной.

3) Аналогии подобным сооружениям неизвестны в метрополии. В данном утверждении В.М. Иванов ссылается на монографию А.У. Лоуренса [26], в которой подробно иллюстрируются все известные приемы греческого фортификационного зодчества. Кроме того, автор указывает на отсутствие упоминания рассматриваемых сооружений в наставлениях античных полководцев – Филона, Витрувия, Аполлодора, Афинейя Механика.

4) Еще одним аргументом в пользу невоенного назначения поясов, по мнению В.М. Иванова, является топография раскопанных усадеб ближней хоры Херсонеса. В данном случае «размежеванная

и превращенная в сплошную зону интенсивного виноградарства территория полуострова представляла собой прекрасный «укрепрайон», так что крайне маловероятной выглядит возможность нападения противника на указанные усадьбы» [15, с. 112].

5) Исследователь ссылается на надежные данные об опасности землетрясений, имевших место в античном Крыму в пределах второй четверти III в. до н.э., ссылаясь на работу В.П. Толстикова, посвященную этому вопросу [21, с.73].

Проведенное В.М. Ивановым исследование содержит весьма убедительные аргументы в пользу невоенного назначения дополнительных поясов башен. Однако, представляется возможным взглянуть на это архитектурное явление гораздо шире, не ограничиваясь исключительно территорией Херсонесского государства и периодом III-II вв. до н.э. кроме того, в изучении данного предмета хотелось бы выйти за рамки военно-архитектурного или сейсмо-архитектурного анализа и перейти к поиску иных, несомненно утилитарных мотивов возведения дополнительных поясов древними строителями.

Возвращаясь к вопросу о сейсмической активности Северо-Западного Крыма в античное время, хотелось бы отметить, что по крайней мере следы двух разрушительных землетрясений относились исследователями в середине IV и в конце II в. до н.э. [19, с. 22-46]. Отсюда возникает вопрос, насколько возведение дополнительных поясов башен совпадало во времени с отмеченными периодами сейсмической активности. Рассмотренные выше пояса трех усадеб Гераклеяского полуострова, Кульчука, Беляуса и Калос Лимена были датированы их исследователями в пределах II в. до н.э. К концу II в. до н.э. относятся только пояса Беляуса и Кульчука (см. Таблицу 1). При этом,

как уже отмечалось В.М. Ивановым, следы сейсмических разрушений отмечались в Восточном Крыму и в III в. до н.э. (в Пантикапее). Таким образом, данный аргумент в пользу антисейсмического назначения дополнительных поясов башен представляется достаточно веским.

Нельзя оставить без внимания и положение дополнительных поясов в планировочных структурах поселений. Так, например, многие башни, стены которых усиливались, не играли прямой роли оборонительных сооружений, то есть не располагались на позициях фланкирующей защиты внешнего периметра стен или ворот как например Башня 2 на Беляусе или башни усадеб Гераклеяского полуострова¹.

Однако, категорически исключать фортификационное (а может быть и ремонтно-восстановительное) назначение дополнительных поясов стен и башен в пользу антисейсмического представляется не совсем обоснованным. В ходе исследований последних 10-15 лет аналогичные сооружения были открыты и в восточной части Крымского полуострова. В своем большинстве они имеют расположение на внешних периметрах оборонительных стен и башен, а их постройка связывается исследователями с мероприятиями по усилению оборонительного потенциала крепостных обводов. При этом данное явление в Восточном Крыму имеет достаточно широкие временные рамки – с III в. до н.э. до III в. н.э. Подобные конструкции исследованы на городищах Белинское, Ак-Кая, Артезиан, Илурат.

Ю.П. Зайцев отмечал масштабную реконструкцию оборонительных сооружений городища Ак-Кая в середине III в. до н.э. [12, с. 170]. Среди характерных черт перестроек этого времени был выделен и «специфический способ усиления стен путем пристройки дополнительных поясов» [12, с. 171].

¹ Информация о положении сооружений с дополнительными поясами в планировочных структурах поселений приведена ниже в Таблице 1.

На городище Артезиан на бастионе, пристроенном к южной оборонительной стене крепости основание было укреплено по внешнему периметру дополнительным поясом, (Рис. 8) сложенным из бутовой кладки из массивных плит и блоков,

скрепленных глиной. Как отмечает Н.И. Винокуров, «вероятно этот пояс выполнял антисейсмические и противотаранные функции [4, с. 190]. При том, отмечается, что его возведение производилось поверх слоя пожара 45-46 гг. н.э. [4, с.171].

Рис. 8. Бастион с «противотаранным поясом» на городище Артезиан (по Винокурову Н.И., 2018)

Еще один «противотаранный» пояс был выявлен на городище Илурат. Он был пристроен к юго-восточной оборонительной стене крепости в третьем строительном периоде поселения и датируется концом II в. до н.э. (Рис. 9) Данное сооружение прослеживается на всем протяжении стены – около 200 м. Толщина панциря составляла 4,0 м. Он состоит из пяти рядов кладки высотой до 1,7 м, сложенной под углом 67 градусов от основания [1, с. 234].

Аналогичного рода сооружение было возведено и в более позднее время

на Белинском городище в Восточном Крыму. В ходе перестроек крепостного обвода III в. н.э. к западной башне пристраивается противотаранный пояс пирамидальной или усеченно-конической формы (Рис. 10). Его ширина составляет 2,9 – 3,2 м. Максимальная высота выявленной кладки – 1,9 м. Материал кладки представлен крупными необработанными камнями. По утверждению авторов раскопок, сооружение этой конструкции было связано с варварскими набегами в III в. н.э. [14, с. 183].

Дополнительные пояса сооружений на территории Крыма

Памятник	Дата	Строительная техника	Расположение	Примечание
Усадьба 86	Вторая половина II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Расположена на размежеванной с/х территории
Усадьба 9	II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Расположена на размежеванной с/х территории
Усадьба 10	II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Расположена на размежеванной с/х территории
Беляус	Конец II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	На двух башнях	Расположение башен не предполагает активной обороны
Кульчук	Конец II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня усадьбы 2	Положение башни на плане комплекса фланкирующее
Калос Лимен	Первая половина II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Входит в комплекс сооружений т.н. «Цитадели»
Ак-Кая	Середина III в. до н.э.	Иррегулярная, бутовая кладка	Оборонительные стены	Локальные достройки оборонительной системы
Артезиан	I в. н.э.	Иррегулярная бутовая кладка	Бастион цитадели	Расположен на слое пожара 45-46 гг. н.э.
Илурад	II в. н.э.	Регулярная рядовая, постелистая кладка из обработанных блоков	Оборонительная стена	Отмечен ряд мероприятий по усилению обороноспособности
Белинское	III в. н.э.	Иррегулярная бутовая кладка	Башня	Перестройка или ремонт в ходе военных конфликтов III в. н.э.

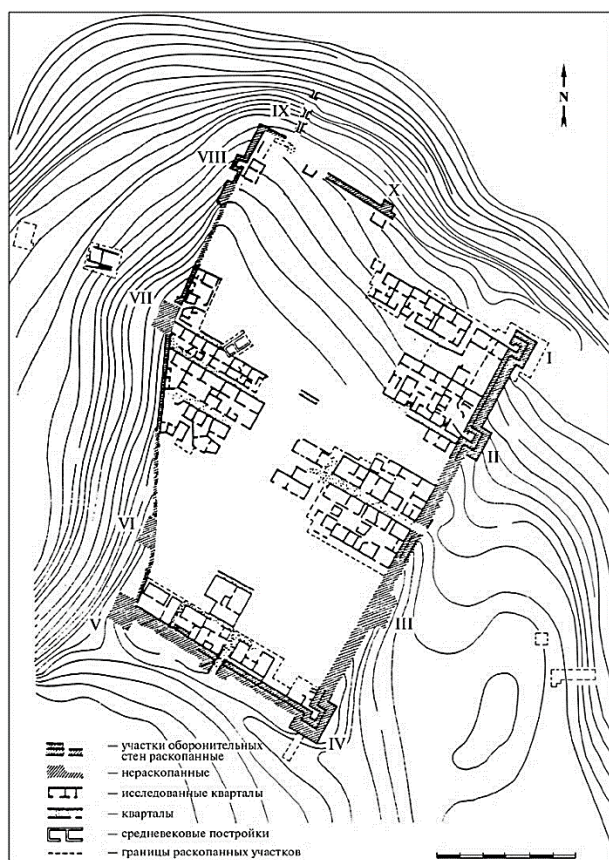

Рис. 9. План Крепости Илурад I-III в. (по: Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., 2008).

Рис. 10. Противотаранный пояс западной башни на городище Белинское (по: Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л., 2019).

Приведенные аналогии из Восточного Крыма, хоть и более поздние, убедительно демонстрируют иные замыслы древних строителей кроме как усиление построек против разрушительной силы землетрясений, хотя, при этом не возникает никакого сомнения в том, что это природное явление было им хорошо знакомо. Резонно будет предположить, что на представленной группе памятников усиление дополнительными конструкциями стен и башен могло иметь как оборонительные функции, так и быть результатом ремонтно-восстановительных работ после военных или иных разрушений. Как бы то ни было, эти пояса по своей сути могли служить надежными контрфорсами для стен, которые могли утратить свою первоначальную устойчивость. Кроме того, обозначенное выше мнение И.Т. Кругликовой о том, что они могли усиливать основание башен для увеличения их высоты путем пристроек, представляется вполне рациональным.

Ранее В.М. Иванов отмечал, что аналогии «противотаранных» поясов отсутствуют на памятниках метрополии. В действительности не представляется возможным отыскать что-то подобное на территории материковой и островной Греции или в Малой Азии. Однако, на сегодняшний день имеются данные, которые могут говорить об экстерриториальности и универсальности этого архитектурного приема. В этом отношении довольно значима недавняя работа Э. Перона Д' Артура, посвященная башенным комплексам Палестины первых веков нашей эры [27]. В статье рассмотрены 23 башенных комплекса, представляющих собой модели эллинистических укрепленных усадеб. Анализируя функции и окружающий башни контекст, исследователь видит в них пункты для наблюдения за сельскохозяйственными владениями, жилища, а также своего рода пункты безопасности для спасения от внешних угроз. При этом, автор акцентирует внимание на том, что рассмотренный

им ряд памятников не имел прямого военного назначения [27, с. 277]. Из 23 рассмотренных в работе архитектурных комплексов, по меньшей мере пять из них имели дополнительные утолщения по периметрам башен, в частности это Хорват-Элек, Кумран, Офарим, Руджум Эль-Хаамири, Арозэр (*Рис. 11*) [27, с. 306].

В Хорват-Элеке внешний пояс башни возвышается на 1,10 м и представляет собой строго вертикальную конструкцию, на других же памятниках (Кумран, Офарим) он образует усеченную пирамиду. Данную форму палестинских поясов Э. Перон Д' Артур сравнивает как раз с пирамидальными сооружениями Крыма. Конструкции возведены из грубо обработанных блоков среднего или крупного размера. Автором статьи также отмечается, что толщина этих конструкций варьируется от 2 до 4 м, но редко бывает одинаковой. При этом на внешних периметрах поселений их толщина значительно больше, чем на стенах башен, выходящих во внутренний двор усадьбы или на внутреннюю территорию комплексов [27, с. 306]. Точной позиции относительно назначения этих сооружений не приводится.

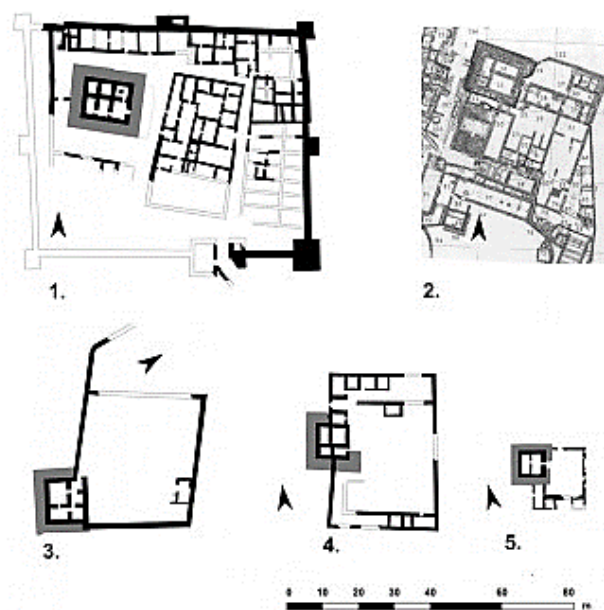

Рис. 11. Башенные комплексы в Палестине (по Э. Перон Д' Артуру, 2014).
1 – Хорват-Элек, 2 – Кумран, 3 – Арозэр, 4 – Руджум эль-Хаамири, 5 – Офарим.

Подводя итог, следует заключить, что дополнительные пояса башен, а в отдельных случаях и стен не представляют собой исключительного явления, характерного только для памятников хоры Херсонеса эллинистического времени. За последние годы произошло значительное накопление археологических данных и для Восточного Крыма, а кроме того, подобные сооружения были выявлены на территории Палестины. Приведенные в данной работе аналогии имеют более поздние датировки, что, однако, только подчеркивает широту рассматриваемого явления во времени и пространстве.

При оценке этого архитектурного приема следует учесть всю совокупность обстоятельств, которые были проанализированы исследователями в рамках отдельных памятников. Таким образом, складывается весьма непростая картина, так как были зафиксированы случаи и усиления

обороноспособности крепостных обводов, и синхронность с сейсмической активностью (во II в. до н.э. в Северо-Западном Крыму), и даже случаи бытования подобных сооружений поверх слоя пожара. Нет никакого сомнения в том, что дополнительные пояса усиливали конструкции башен, выполняя роль своего рода контрфорсов. Исходя из этого можно предположить, что мы имеем дело с явлением куда более универсальным, чем просто принятие антисейсмических или фортификационных мер. В отдельных же случаях будет справедливо рассматривать строительство дополнительных поясов как часть мероприятий по ремонту или достройке башен. То есть, с этой позиции данные сооружения могут служить своего рода «заплатами» для поврежденных кладок стен. При этом нельзя исключать роль контрфорсирования или усиления нижних рядов кладок для повышения этажности башен.

Список используемых сокращений

АО – Археологические открытия

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

СА – Советская археология

СЗКАЭ – Северо-Западный Крым в античную эпоху

Список литературы

1. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Москва, 1953, 216 с.
2. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в до н.э. – середина III в. до н.э.). Санкт-Петербург, 2008, 332 с.
3. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. Москва, 1990, сс. 310-371.
4. Винокуров Н.И. Проблемы фортификации античного городища Артезиан: гипотезы и реалии // Боспорский феномен 2018, Часть 1. Санкт-Петербург, 2018, сс.188-195.
5. Голенцов А.С. Фортификации городища Кульчук // Фортификация в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 1995, сс. 50-52.
6. Дашевская О.Д., Щеглов А.Н. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА, 1965, №2, сс. 246-255.
7. Дашевская О.Д. Античная башня на городище Беляус // КСИА, 1969, вып. 116, сс. 85-93.
8. Дашевская О.Д. Раскопки городища и некрополя Беляус // АО 1976, сс. 287-288.
9. Дашевская О.Д. Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции // АО 1979,

сс. 267-268.

10. Дашевская О.Д. Раскопки Белуса и Западно-Донузлавского городища // АО 1982, сс. 255-256.

11. Дашевская О.Д. Работы в Черноморском районе Крыма // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1993, сс. 86-90.

12. Зайцев Ю.П. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (Эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Москва, 2015, сс. 164-173.

13. Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории сельских усадеб на Гераклеийском полуострове // Древнее Причерноморье: материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса, 1990, сс. 71-89.

14. Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л. Варварский компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II – V вв. н.э. (на примере городища Белинское) // Боспорские исследования XXXVIII, 2019, сс. 179-204.

15. Иванов В.М. О назначении дополнительных поясов сооружений херсонесской хоры // Проблемы истории, филологии, культуры, №13, 2003, сс. 100-122.

16. Кругликова И.Т. Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклеийского полуострова // Проблемы античной культуры. Москва: «Наука», 1986, сс. 168-175.

17. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994, сс. 44-70.

18. Ланцов С.Б. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ // Калос Лимен: Музей и заповедник. Симферополь, 2012, сс. 73-89.

19. Никонов А.А. Древние разрушительные землетрясения в Херсонесе и их значение в оценке долговременной сейсмической опасности Юго-Западного Крыма // Вопросы инженерной сейсмологии, Т.42, №2, 2015, сс. 17-50.

20. Стржлецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961, 247 с.

21. Толстикова В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 1999, сс. 72-75.

22. Тюрин М.И., Лесная Е.С. Кризисные явления в округе Херсонеса в III в. до н.э.: к вопросу о хронологии усадеб Гераклеийского полуострова // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Санкт-Петербург, 2020, сс. 292-299.

23. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной гавани. Симферополь, 2006, 248 с.

24. Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976, 176 с.

25. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград, Изд-во «Наука», 1978, 156 с.

26. Lawrence A.W. Greek aims in fortification. – Oxford, Clarendon Press, 1984, 483p.

27. Peron-d’Harcourt. A. Édifices ruraux à tour de Palestine hellénistique: parallèles à Qumrân // Syria. Arheologie, art et histoire, 91, 2014, pp. 277-318.

ADDITIONAL BELTS OF CHORA TOWER OF CHERSONESSOS: FORTIFICATION OR ANTISEISMIC?

The article discusses the question of the appointment of additional belts, which were erected on the sites of Chersonesos Chora in the III-II centuries BC. In ordinary sense, these architectural elements served to strengthen the walls and towers, however, for today in Russian historiography there is no consensus about the reasons and purpose of such strengthening. Almost all of researchers, who have addressed this case, agree with

on their “anti-ram” (ie fortification) or anti-seismic purpose. In connection with the significant accumulation of archaeological data both in Russia and abroad, it seems possible to consider this architectural phenomenon in a wider time and geographical framework, as well as to attach some facts that may indicate other reasons for the emergence these architectural elements. This research based on the consideration of analogies to the studied architectural objects - construction remains similar in design, recorded in the territory of the Eastern Crimea. Thus, the expanded geography and chronology of the architectural phenomenon allows one to obtain new theoretical generalizations.

Keywords: Chersonesos, ancient fortifications, settlement, Northern Black Sea Coast, anti-ram belts, towers.

References

1. Blavatskij V.D. (1953) *Zemledelie v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya* [Agriculture in ancient states of Northern Black Sea Coast]. Moscow, 216 p.
2. Vinogradov Yu.A., Goroncharovskij V.A. (2008) *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmerijskogo (VI v do n.e. – sredina III v. do n.e.)* [Military history and warfare of Kimmerian Bosporus VI B.C. – middle of III B.C.]. St. Petersburg, 332 p.
3. Vinogradov Yu.G., Shcheglov A.N. (1990) *Obrazovanie territorial'nogo Hersonesskogo gosudarstva* [Formation of the Chersonesus territorial state] // *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism: politics, economics, culture]. Moscow, pp. 310-371.
4. Vinokurov N.I. (2018) *Problemy fortifikacii antichnogo gorodishcha Artezian: gipotezy i realii* [The issue of fortification of Artezian settlement: hypotheses and realities] // *Bosporskij fenomen* [Bosporian phenomenon] 2018, Part 1. St. Petersburg, pp.188-195.
5. Golencov A.S. (1995) *Fortifikacii gorodishcha Kul'chuk* [Fortifications of the Kul'chuk settlement] // *Fortifikaciya v drevnosti i srednevekov'e* [Fortifications in antiquity and middle ages]. St. Petersburg, pp. 50-52.
6. Dashevskaya O.D., Shcheglov A.N. (1965) *Hersonesskoe ukreplenie na gorodishche Belyaus* [Chersonesus fort on the Belyaus settlement] // *SA* [Soviet archaeology] №2, pp. 246-255.
7. Dashevskaya O.D. (1969) *Antichnaya bashnya na gorodishche Belyaus* [Antique tower on the Belyaus settlement] // *KSIA* [Short messages of Institute of archaeology], vol. 116, pp. 85-93.
8. Dashevskaya O.D. (1976) *Raskopki gorodishcha i nekropolya Belyaus* [Excavations of Belyaus settlement and necropolis] // *AO* [Archaeological discoveries] 1976, pp. 287-288.
9. Dashevskaya O.D. (1979) *Dvadcatyj sezon Donuzlavskoj ekspedicii* [20th season of Donuzlav expedition] // *AO* [Archaeological discoveries] 1979, pp. 267-268.
10. Dashevskaya O.D. (1982) *Raskopki Belayusa i Zapadno-Donuzlavskogo gorodishcha* [Excavations of Belyaus and West-Donuzlav settlement] // *AO* [Archaeological discoveries] 1982, pp. 255-256.
11. Dashevskaya O.D. (1993) *Raboty v Chernomorskom rajone Kryma* [Fieldworks in Chernomorsky district of Crimea] // *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu* [Archaeological researches in Crimea]. Simferopol', pp. 86-90.
12. Zajcev Yu.P. (2015) *Oboronitel'nye sooruzheniya kreposti Ak-Kaya v Central'nom Krymu (Epoha ellinizma i rimskij period)* [Fortifications of Ak-Kaya settlement in the Central Crimea (Hellenistic and Roman period)] // *S Mitridata duet veter* [The wind blows from Mitridate]. Moscow, pp. 164-173.
13. Zolotarev M.I., Turovskij E.Ya. (1990) *K istorii sel'skih usadeb na Geraklejskom poluostrove* [To history of manors on Heracleean peninsula] // *Drevnee Prichernomor'e: materialy I Vsesoyuznyh chtenij pamyati professora P.O. Karyshkovskogo*. Odessa, pp. 71-89.
14. Zubarev V.G., Yarcov S.V., Smekalov S.L. (2019) *Varvarskij komponent v material'noj kul'ture sel'skih poselenij Evropejskogo Bospora vo II –V vv. n.e. (na primere gorodishcha*

Belinskoe) [Barbarus component of material culture on settlements of Bosporus in II – V A.D. (on the example of the settlement Belinskoe)] // Bosporskie issledovaniya [Bosporian researches] XXXVIII, pp. 179-204.

15. Ivanov V.M. (2003) O naznachenii dopolnitel'nyh poyasov sooruzhenij hersonesskoj hory [About appointment of additional belts on the chora of Chersonesus] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Issues of history, philology, culture], №13, pp. 100-122.

16. Kruglikova I.T. (1986) Bashni na sel'skohozyajstvennykh usad'bah Geraklejskogo poluostrova [Towers on the manors of Heracleean peninsula] // Problemy antichnoj kul'tury [Issues of antique culture]. Moscow: «Nauka», pp. 168-175.

17. Kutajsov V.A., Uzhencev V.B. (1994) Vostochnye vorota Kalos Limena [Eastern gates of Kalos Limen]// SZKAE [North-West Crimea in the ancient era]. Kiev, 1994, pp. 44-70.

18. Lancov S.B. (2012) Kratkij obzor issledovanij Donuzlavskoj ekspedicii KF IA NANU [The short review of researches of Donuzlav expedition KF IA NANU] // Kalos Limen: Muzej i zapovednik [Kalos Limen: museum and preservation]. Simferopol', pp. 73-89.

19. Nikonov A.A. (2015) Drevnie razrushitel'nye zemletryaseniya v Hersonese i ih znachenie v ocenke dolgovremennoj sejsmicheskoj opasnosti Yugo-Zapadnogo Kryma [Ancient destructive earthquakes in Chersonesos and their significance in assessing the long-term seismic hazard of Southwestern Crimea] // Voprosy inzhenernoj sejsmologii [engineering seismology issues], T.42, №2, pp. 17-50.

20. Strzhleckij S.F. (1961) Klery Hersonesa Tavricheskogo [Clears of Tauric Chersonesos]. Simferopol', 247 p.

21. Tolstikov V.P. (1999) K probleme zemletryaseniya III v. do n.e. na Bospore (po materialam raskopok Pantikapeya i Nimfeya) [To the issue of earthquake on Bosporus in III B.C. (based on materials from the excavations of Panticapaeum and Nympheus)] // Bosporskij gorod Nimfej: novye issledovaniya i materialy i voprosy izucheniya antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. St. Petersburg, pp. 72-75.

22. Tyurin M.I., Lesnaya E.S. (2020) Krizisnye yavleniya v okruge Hersonesa v III v. do n.e.: k voprosu o hronologii usadeb Geraklejskogo poluostrova [Crisis phenomena on the outskirts of Chersonesos: to the issue of chronology of Heracleean peninsula's manors] // Bosporskij fenomen. Bosporskoe carstvo M. I. Rostovceva. Vzgljad iz XXI veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Part 2. St. Petersburg, pp. 292-299.

23. Uzhencev V.B. (2006) Elliny i varvary Prekrasnoj gavani [Hellenes and barbarians of Kalos Limen]. Simferopol', 248 p.

24. Shcheglov A.N. (1976) Polis i hora [Polis and Chora]. Simferopol', 176 p.

25. Shcheglov A.N. (1978) Severo-Zapadnyj Krym v antichnuyu epohu [North-West Crimea in ancient era]. Leningrad, «Nauka» publ., 156 p.

26. Lawrence A.W. (1984) Greek aims in fortification. – Oxford, Clarendon Press, 483p.

27. Peron-d'Harcourt. A. (2014) Édifices ruraux à tour de Palestine hellénistique: parallèles à Qumrân // Syria. Arheologie, art et historie, 91, pp. 277-318.

Об авторе

Григорьев Андрей Михайлович – аспирант кафедры археологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: andrey.grigorev.92@list.ru

Grigorev Andrey Mihailovich – postgraduate student, department of archaeology, Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: andrey.grigorev.92@list.ru